

УДК 821.111(73)
doi 10.17072/2073-6681-2025-2-154-163
<https://elibrary.ru/vicdop>

EDN VICDOP

«Слово Даниила Заточника» – первое произведение духовной сатиры в русской литературе

Сыромятников Олег Иванович

д. филол. н., профессор кафедры русской литературы

Пермский государственный научный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. pani_perm@list.ru

SPIN-код: 9651-1120

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4826-3857>

Статья поступила в редакцию 07.09.2024

Одобрена после рецензирования 24.11.2024

Принята к публикации 21.02.2025

Информация для цитирования

Сыромятников О. И. «Слово Даниила Заточника» – первое произведение духовной сатиры в русской литературе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 154–163. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-154-163. EDN VICDOP

Аннотация. В статье проводится анализ формы и содержания памятника древнерусской литературы «Слово Даниила Заточника». Особое внимание обращено на ряд поздних вставок в первоначальный текст, придавших ему известный в настоящее время вид и создавших несколько ярких противоречий. Предпринимается попытка объяснить их путем обобщения имеющегося научного опыта исследования «Слова» и глубокого погружения в религиозно-культурный контекст его создания. Автор статьи полагает, что целью вставок было желание привлечь внимание читателя к таким чертам личности Даниила, как эгоизм, индивидуализм, гордость, тщеславие, самонадеянность. Некоторые вставки раскрывают детали личной жизни Даниила, показывая его склонность к нарушению общепринятых моральных и религиозных норм. В своей совокупности вставки создают целостный образ человека, пренебрегающего традиционными для русского общества XII–XIII вв. духовными и нравственными нормами. Подобный тип личности был нетипичен для этого времени и привлекал к себе внимание широких слоев общества, давая пример недолжного поведения. Автор статьи полагает, что это побудило представителей официальных (княжеских или церковных) кругов предпринять попытку компрометации образа Даниила в глазах читающей общественности. С этой целью и были сделаны вставки, превратившие послание Даниила в первое сатирическое произведение русской литературы, а поскольку предметом этой сатиры были не социальные или политические, а духовно-нравственные явления, то ее следует считать духовной сатирой. Известно, что произведения подобного рода появлялись и в литературе последующих веков, показывая тип ловкого пройдохи, добивающегося своих целей любыми средствами, поэтому автор статьи предлагает считать «Слово Даниила Заточника» первым произведением подобного рода.

Ключевые слова: русская литература XII–XIII вв.; «Слово/Моление Даниила Заточника»; Священное Писание; антиидеал; апостасия; духовная сатира; гомилетика.

Данная работа предлагает решение поставленной ранее проблемы, связанной со сложностью понимания идейного содержания «Слова Даниила Заточника» – памятника древнерусской

литературы XII века¹. Его следует отличать от другого произведения – «Моления Даниила Заточника», которое большинство специалистов считают поздней переработкой «Слова»². По

форме «Слово» является обычным частным письмом (челобитной грамотой) – некий человек, названный в заглавии Даниилом, попал в бедственное материальное положение и обратился за помощью к некоему князю. Однако тон «Слова» и множество содержащихся в нем противоречий делают просьбу Даниила совершенно бессмысленной. Укажем наиболее яркие из них.

«Слово» создано в то время, когда христианство было доминирующим мировоззрением всех социальных слоев Руси. Разумеется, и тогда появлялись люди с несформированным или разрушенным религиозным сознанием, но открыто демонстрировать его, тем более в письме к князю, было совершенно невозможно. И тем не менее Даниил это делает: «...не ими другу вѣры, ни надѣйся на брата» (Слово... 1997: 270). Этот совет прямо противоречит главной заповеди христианства, говорящей о любви к Богу и к ближнему (Мф. 22:37-39).

Второе противоречие связано с тем, что видимой целью Даниила является намерение устроиться на службу к князю. Он много и странно намекает на это, но вдруг заявляет: «Не имѣй собѣ двора близъ царева двора и не дрѣжи села близъ княжа села: тивунъ бо его – аки огонь, трепетицею накладенъ, и рядовичи его – аки искры. Аще от огня устережешися, но от искоръ не можеша устережися и сожжения портъ» (Слово... 1997: 276).

Третье противоречие связано с «экономическим» советом, который Даниил дает князю: «Якоже бо неводъ не удержитъ воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздавай людемъ» (там же: 274). Даниил явно считает князя (от которого, по его словам, зависит вся его дальнейшая судьба), глупее себя, ведь если князь исполнит его совет, то через некоторое время поменяется с Даниилом местами. Еще раз подчеркнем: это лишь малая часть противоречий, содержащихся в «Слове», и их понимание, на наш взгляд, позволит раскрыть идейное содержание этого уникального памятника.

Из текста «Слова» следует, что его автор получил некоторое духовное образование, так как он многократно и свободно цитирует различные фрагменты Ветхого и Нового Завета. Это дает основание предположить, что им не мог быть простолюдин (вынужденный обеспечивать себя постоянным физическим трудом) или воин, не имеющий времени на богословские штудии. Им мог быть только свободный человек (не холоп), имевший доступ к «книжной премудрости», хранившейся в те времена в монастырях или княжеских библиотеках. Возможно, получив образование, Даниил какое-то время был советником (думцем) или писцом князя, но затем совершил

нечто, за что подвергся социальному ostracismu и княжеской опале. Это «нечто» и стало причиной последующих комментариев (вставок) в первоначальный текст – они должны были предельно ярко выявить нравственный облик автора послания и показать его чуждость духовному строю русской жизни. Так у «Слова» появился второй автор³, придавший тексту тот вид, который он имеет в настоящее время.

Как уже говорилось, «Слово» в известном нам виде создано в христианскую эпоху истории Руси, создано христианином и для христиан. Христианин – тот, кто живет по заповедям Христа и канонам Христианской Церкви, однако во все времена были люди, принадлежавшие к христианству лишь по факту крещения, но жившие по своим собственным правилам. Согласно православной экклезиологии, от духовного состояния каждого отдельного христианина зависит здоровье всего христианского сообщества. В эпоху написания «Слова» ответственность за поддержание в народе христианской веры и традиций несли князь и епископ. Видя нарушение или неисполнение каких-либо христианских предписаний, они использовали имеющуюся в их распоряжении власть, а иногда обращались к людям со «Словами», «Поучениями», «Наставлениями» и «Посланиями»⁴, в которых простым и понятным языком излагали основы веры, уча своих подданных жить по-христиански. Они могли говорить непосредственно от своего лица, но в некоторых случаях поручали сказать о какой-либо важной проблеме своим приближенным, обладающим необходимыми знаниями и способностями. Этим объясняется насыщенность «Слова» фольклорными элементами – ни князь, ни епископ не могли *так* говорить, но хотели, чтобы их мысль дошла до сердца каждого, в том числе и самого простого, необразованного человека. Вероятно, настоящий автор находился на стыке официальной церковности и «мира» – был монахом, жившим при дворе князя и исполнявшим примерно те же обязанности, что и Даниил. Об этом говорит дважды повторенная оговорка: «Глаголетъ бо в мирскихъ притчах...» (там же: 278, 282), характерная для речи и некоторых современных монахов, а также обороты, контрастирующие с другими религиозными высказываниями Даниила: «Якоже Богъ повелитъ, тако будеть: поженетъ бо единъ сто, а от ста двинется тма. Надѣйся на Господа яко гора Сионъ: не подвижится въ вѣки» (там же: 274) и др.⁵

Литература каждой исторической эпохи обладает определенной идейной целостностью, поэтому «Слово Даниила Заточника», несмотря на всю оригинальность формы, внутренне близко многим произведениям русской словесности. Эту

близость образует единое христианское мировоззрение, проявляющееся, в частности, в том, что причину всех бед (нашествий иноплеменников, усабиц, природных и социальных катаклизмов, эпидемий и пр.) христианин видел в отступлении от богоустановленных духовных законов. «По грехам нашим», «за грехи наши прогневался на нас великий Бог» и т. п. – лейтмотив многих произведений древнерусской литературы, поэтому важнейшей задачей древнерусских книжников и всех последующих христианских писателей было изображение причин и следствий *апо­стасии* – отступления человека от заповедей Христа. По словам Х. Бирнбаума и Р. Романчука, подобные «назидательные сочинения» были особенно распространены в русской литературе первых веков ее существования, чему способствовала византийская книжная традиция, согласно которой «текст организован вокруг христианских тем и мотивов, т. е. этических “правд”, и основан больше всего на христианских источниках» [Бирнбаум, Романчук 1996: 586, 593]. Борьба с грехом посредством слова – обычное явление для христианской литературы. На Руси первый подобный опыт предпринял митрополит Иларион Киевский, который в богословской части своего «Слова» выступил против уклонений от догматического учения Церкви и в поэтической форме раскрыл содержание ороса IV Вселенского Собора. Впоследствии учение Христианской Церкви воплощали в слове и другие русские епископы и князья, в результате чего появилось множество произведений различных жанров, объединенных общим гомилетическим пафосом. А. А. Пауткин справедливо полагает, что произведения подобного рода «нуждаются в особом толковании, встраивании в круг явлений, соответствующих “норме”». <...> Под таким углом зрения отчетливее видны судьбы литературной традиции, ее пересечения и развитие при переходе из одного центра книжности в другой, а также синтез различных элементов при формировании оригинальных текстов» [Пауткин 2014: 56].

Настоящий автор «Слова» увидел в послании Даниила признаки апостасии и, сознавая ее опасность для духовной жизни христианского сообщества, постарался предупредить о ней. Точно так же поступали и другие древнерусские книжники, наполняя летописи описаниями причин и следствий человеческих грехов. Гомилетическая направленность сближает «Слово» со многими памятниками русской литературы. Так, о его связи со «Сказанием о Борисе и Глебе» говорит А. С. Орлов: «Трудно допустить, чтобы упоминания о Святополке...» не было в «Слове» [Орлов 1937: 161–162]. Речь идет не о сюжетной, а о внутренней, духовной связи двух произведе-

ний. «Сказание» повествует о том, как князь Святополк поддался страстям сребролюбия и славолубия и повторил преступление Каина [Сказание о Борисе и Глебе: 332]. Даниил также совершил некое преступление, за которое подвергся жестким социальным санкциям. «Сказание» показывает, как князь Ярослав применил силу для того, чтобы прервать цепь преступлений Святополка [там же: 345], а настоящий автор «Слова» с той же целью использовал свои литературные дарования.

«Сказание» сближает со «Словом» еще одна характерная деталь – и Святополк, и Даниил знали о существовании духовных законов, открытых христианством, но всё же нарушили их. Так, убив Бориса, Святополк размышляет о том, что делать дальше: «Что сътворю? Аще бо до съде оставлю дѣло убийства моего, то дѣвоего имама чаяти: яко аще услышать мя братия моя, си же варивыше въздадять ми и горыша сихъ. <...> Зане егоже Господь възлюби, а азъ погнахъ и къ болѣзни язву приложихъ, приложю къ безаконию убо безаконие. Обаче и матере моя грѣхъ да не оцѣтитъся и съ правдыными не напишюся, нѣ да потреблюся отъ книгъ живущихъ» [там же: 338]. О родовом грехе, передающемся из поколения в поколение, знает и Даниил, решившийся на продажу собственных детей: «Аще будутъ родилися в мать, то, возрошыши, мене продадутъ» (Слово...: 282).

В «Повести об ослеплении Василька Теребовльского» рассказывается, как князь Давыд Игоревич, поддавшись страсти властолюбия, отдал приказ ослепить своего брата Василька. Узнав об этом, князь Владимир Мономах горестно заметил: «Сего не было есть у Русьской земли ни при дѣдахъ наших, ни при отцехъ нашихъ, сякого зла» [Повесть временных лет 1997: 274]. Возник прецедент, легитимизирующий беззаконие, и князь Владимир применил силу, чтобы его пресечь. Его собственные взгляды, полностью соответствовавшие христианскому мировоззрению, нашли воплощение в известном «Поучении». По словам О. И. Скрипиля, уже «в последней трети XIX века <...> в статьях О. Ф. Миллера, Е. Модестова, И. Н. Жданова, И. Яхонтова, И. А. Шляпкина и др. <...> подмечается сходство взглядов автора “Слова” со взглядами Владимира Мономаха...» [Скрипиль 1955: 92]. На наш взгляд, «Поучение Владимира Мономаха» сближается со «Словом Даниила» прежде всего использованием биографического сюжета. Князь Владимир, обращаясь к современникам, на своем личном примере показывает, как следует жить в соответствии с православной верой, а настоящий автор «Слова» описывает детали биографии Даниила, которые, по словам Д. С. Лихачева, «мог-

ли быть вполне реальными фактами» [Лихачев 1979: 256], чтобы показать его отступление от норм христианской жизни.

О связи «Слова Даниила Заточника» со «Словом о полку Игореве» говорит Э. О. Кранк, замечая, что они созданы «приблизительно в одно время». Автор приходит к мысли о том, что «если повествование о походе Игоря Новгород-Северского на половцев можно назвать первым эпическим произведением древнерусской словесности, то “Слово Даниила Заточника” – первым лирическим произведением на Руси. Можно утверждать, таким образом, что Даниил Заточник – первый русский (или древнерусский) лирический поэт» [Кранк 2022: 54]. Думается, это всё же некоторое преувеличение. Автор «Слова о полку Игореве» устами князя Святослава Киевского и множеством художественных деталей осуждает поступок князя Игоря, который начал поход, поддавшись страсти славолубия («Спала князю умь похоти...» [Слово о полку Игореве: 256]), но подчеркивает его личные положительные черты (мужество, храбрость, решительность и др.). Он указывает на прямую связь поступка князя со страданиями русских людей, потерявших своих отцов, сыновей, братьев и подвергшихся набегу половецких орд: «На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнѣздо...» [там же: 260]. В результате «Слово» стало художественным переложением важнейшего духовного закона, о котором говорит Священное Писание: «Благословением праведных возвышается город, а устами нечестивых разрушается» (Притч. 11:11)⁶. Святитель Василий Великий поясняет эту мысль так: «Итак, познаём, что за отпадение и нерадение насылает на нас Бог удары не с намерением сокрушить, но с желанием исправить... <...> И за немногих приходят бедствия на целый народ, и за злодеяние одного вкушают плоды его многие» [Василий Великий 2008: 639, 641]. Об этом же говорит и св. Киприан Московский, обращаясь к ученикам: «Не вѣете ли, яко грѣх людський на князи, и княжський грѣх на люди нападаетъ?» [Послание митрополита Киприана 1997: 414]⁷.

Грехи правителей оборачиваются страданиями их подданных, поэтому русские летописи содержат описания множества преступлений, совершенных князьями и боярами. Это нельзя считать социальной сатирой, потому что цель христианских писателей состояла не в том, чтобы обличить социальный порок, а в том, чтобы выявить его духовные причины, а затем остановить его развитие в общественном сознании, так как преступление правителя служило примером для подчиненных ему людей, давало им, говоря сло-

вами Ф. М. Достоевского, «право на бесчестье». Еще в середине XIX в. С. П. Шевырев заметил, что «“Слово” содержит в себе множество намеков, как должно думать, на современные ему обстоятельства» [Шевырев 1846: 210]. Об этом же говорит и современный исследователь: «Появление “Слова...” в XII в., внимание к нему и переработка текста в XIII в. (“Моление...”), возможно, определены кризисным характером данной эпохи в истории русского народа...» [Бедина 2019: 106]. На наш взгляд, речь должна идти о кризисе религиозного сознания древнерусского мира, к началу XIII в. достигшего социально опасных размеров – в разных землях Руси появилось множество «даниилов», каждый из которых мог выглядеть жалким и смешным, но непрерывно распространял вокруг себя безверие, отравляя и заражая им церковный организм⁸.

В результате люди обособлялись, социальная атомизация захватывала уже не только княжеские «верхи», но и широкие слои русского народа, забывшего духовный закон, о котором говорит Священное Писание: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф. 12:25). Расплатой за духовное беспамятство стало двухсотлетнее рабство.

«Слово Даниила Заточника» явилось первым произведением русской литературы, в котором описывалось апостасийное сознание человека, не принадлежавшего к привилегированным социальным слоям. Следует согласиться с мыслью Д. С. Лихачева, назвавшего Даниила «своего рода “интеллигентом” Древней Руси XII–XIII веков» [Лихачев 1979: 255]. Автор протографа «Слова» не принадлежал ни к духовному, ни к княжескому, ни к боярскому сословию, он – тот, кого во второй половине XIX в. называли разночинцем, а затем и интеллигентом. Даниил искренне верил, что само наличие разума и образования дает ему право на особое положение в обществе. Вероятно, он действительно направил князю некое послание, но сначала оно попало в руки какого-то княжеского «чиновника», который обратил внимание на особенности духовно-нравственного устройства личности Даниила, значительно отличавшиеся от христианских норм. Очевидно, некоторое время он старался понять, является ли это частным случаем или знаменует появление нового типа личности, потенциально опасного для христианского сообщества. Убедившись, что разного рода «даниилы» действительно появились в народе, он «разбих» свои сомнения, «аки древняя – младенца о камень» и «вострубил» (Слово...: 269), чтобы привлечь общественное внимание к обнаруженной проблеме. Это позволило Н. Н. Воронину пред-

положить, что имя «Даниил» – только литературная маска, и считать «Слово» публицистическим и даже обличительным произведением, рассчитанным на широкую аудиторию [Воронин 1967: 72].

Вероятно, именно настоящий автор убрал из послания Даниила все реалии, указывающие на его автора и адресата. Это было связано, во-первых, с христианским требованием «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф. 7:1-2). А во-вторых, автор говорил не о конкретном человеке, а о явлении, поэтому он использовал обобщение и типизацию, благодаря которым читатели легко узнавали «даниилов» в своих современниках. Этим объясняется широкая популярность «Слова» и его сращивание с фольклорной традицией.

Для того чтобы показать духовную и нравственную ущербность Даниила, настоящий автор сопровождал отдельные фрагменты его послания своими комментариями. Прежде всего он акцентировал внимание читателей на искажениях Даниилом слов Священного Писания и его откровенно антихристианских суждениях, а затем дезавуировал то, что Даниил считал своим главным достоинством – разум. С этой целью он профанировал его высказывания, создав противоречия, в своей совокупности рождавшие в сознании читателя вопрос: если ты действительно такой умный, то как попал в подобную ситуацию? И почему не можешь сам из нее выйти? Тем самым настоящий автор как бы напоминал читателям и самому Даниилу мысль ап. Павла: «Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их» (1Кор. 3:18-19). Действительно, православный человек никогда не похвалится своим умом, искренне считая себя ничтожным и недостойным, потому что следует универсальной норме христианского самосознания, восходящей к словам Христа о том, что «блаженны нищие духом» (Мф. 5:3).

Гипертрофированная оценка человеком своих мыслительных и иных способностей, как правило, является следствием развития страсти гордыни, искажающей восприятие человеком себя и окружающего мира. В результате, замечает Э. О. Кранк, даже находясь в крайне бедственном положении, Даниил «не столько молит князя о его милости, сколько вытребывает себе признание по праву. Трудно представить себе в устах униженного повседневным неблагополучием, лишённого, видимо, всяческих прав человека более “кошунственного” по отношению к

средневековой субординации, вершину которой представляет на земле сюзерен, на небесах – Бог, более исполненное гордыни сравнение, до которого возносится Даниил, ставя себя на одну доску со своим пресветлым господином: “...егда веселишия многими брашны, а мене помяни, сух хлѣбъ ядуща”...». Исследователь справедливо полагает, что «средневековый идеал служения вассала сюзерену, отстаиваемый Даниилом, сопряжён для него с осознанием своей исключительности» [Кранк 2022: 53].

Духовная проблема сочетания в одном человеке ума и гордости является важнейшей темой христианской литературы. «Слово Даниила Заточника» – первое произведение, в котором демонстрируется рационализм европейского типа, глубоко чуждый духовно-нравственному строю русского человека. Стремление настоящего автора скомпрометировать эту «добродетель» свидетельствует о появлении в русской литературе *антирационализма*, достигшего наивысшего развития в «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Еще через полвека против такого рационализма выступит Ф. М. Достоевский: «Я согласен, что дважды два четыре – превосходная вещь; но если уже всё хвалить, то и дважды два пять – премилая иногда вещица» [Достоевский, т. 5: 119]. Он же укажет и на духовную закономерность взаимодействия разума и гордыни: «Разум-то ведь страсти служит» [Достоевский, т. 6: 215].

Еще одну черту личности Даниила настоящий автор компрометировал с помощью сюжета о «злой жене», широко распространенного в средневековой литературе⁹. Он использовал этот сюжет не для украшения или скоморошества, а с тем, чтобы показать алчность, слабость и неспособность Даниила организовать семейную жизнь в соответствии с христианской традицией, согласно которой «не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа» (1Кор. 11:8-9). Настоящий автор работал с материалом так, как это было ему необходимо для решения поставленной задачи, и в результате возникло впечатление, что этот фрагмент «Слова» «состоит из отдельных кусков, соединенных механически, <...> даже с нарушением логической последовательности» [Миндалев 1914: 144]. Мы же полагаем, что он служит композиционно продуманной пролегоменой к небольшому абзацу, завершающему основную часть «Слова»: «Нѣ у когоже умрѣ жена. Онѣ же по малых днех нача дѣти продавати. И люди рѣша ему: “Чему дѣти продаешь?” Он же рече: “Аще будутъ родилися в мать, то, возрошыши, мене продадутъ”» (Слово...: 282). «Некий человек» – несомненно, Даниил, иначе объяснить наличие этой вставки невозможно, настолько она инородна по отноше-

нию к остальному тексту. Вероятно, настоящий автор не обладал достоверными сведениями о причине смерти жены Даниила, поэтому не стал обвинять его прямо, а использовал сюжет о «злой жене», чтобы показать духовную и психологическую логику происшедшего.

Он особо подчеркивает, что, вступая в брак, Даниил руководствовался абсолютно апостасийными мотивами. Христиане создают семьи, чтобы, став единым духом и «единой плотью» (Мф. 19:5), идти ко Христу, а Даниил женился «у богата тьстя чти великия ради», чтобы жить в достатке, сытно есть и пить (Слово...: 280). Другой причиной брака было прельщение женской красотой, о чем Даниил вспоминает с крайним раздражением: «Аще который муж смотреть на красоту жены своеа и на ея ласковая словеса и льстива, а дѣль ея не испытаеть, то дай Богъ ему трясею болѣти, да будеть проклят» (там же). Характерно, что, вспоминая о прошедшем, Даниил явно пытался снять с себя ответственность за него: «Но по сему, братиа, рассмотрите злу жену: и рече мужу своему: “Господине мой и свѣте очию моею! Азъ на тя не могу зрѣти. Егда глаголеши ко мнѣ, тогда взираю и обумираю, и въздержат ми вся уды тѣла моего, и поничю на землю”» (там же). Заметим, что прямая речь жены создает первую в русской литературе эротическую сцену, ярко рисующую состояние духовного мира Даниила и его жены.

Изначальное несоблюдение норм христианской жизни привело к деструкции семейных отношений – жена чувствовала себя весьма свободно и не спешила подчиняться Даниилу. Возможно, брак был нужен ей только для того, чтобы прикрыть некоторые неблагоприятные наклонности (неслучайно в «Слове...» упоминается, что «дѣвица бо погубляетъ красу свою бляднею...» (там же: 278)). Автор рассказывает, как она прямо при муже начала украшать себя, что вызвало его злой сарказм: «Видѣх жену злообразну, приничюще к зеркалу и мажушица румянцемъ, и рѣх ей: “Не зри в зеркало, видѣвши бо нелѣпоту лица своего, зане болшую печаль приимеши”» (там же: 280). Вероятно, в конце концов Даниил узнал, для кого украшала себя его жена, и с гневом поделился своим печальным опытом: «Аще который муж смотреть на красоту жены своеа и на ея ласковая словеса и льстива, а дѣль ея не испытаеть, то дай Богъ ему трясею болѣти, да будеть проклят» (там же).

Экспрессивными и инвективными вставками настоящий автор усиливает общий эмоциональный фон повествования и постепенно подводит читателя к мысли о том, что между мужем и женой произошла ссора, закончившаяся трагедией. Вероятно, она случилась в присутствии детей –

об этом говорят опасения Даниила по поводу того, что когда они вырастут, то захотят отомстить ему. Следуя своей рациональной логике, он попытался избавиться от невольных свидетелей, но натолкнулся на сопротивление христианского социума: «Чему дѣти продаешь?» (там же: 282). Полагаем, именно это и стало настоящей причиной обструкции, на которую Даниил жаловался князю: «Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене» (там же: 270).

Заметим, что благодаря настоящему автору Даниил сделался самостоятельным персонажем «Слова», обладающим биографией, духовными, нравственными и психологическими качествами. И вместе с тем он остался представителем духовно-нравственного типа, выражающего определенную идею, ключом к пониманию которой служат эпитеты, употребленные им для характеристики: «нищий» и «убогий». Последнее слово обычно переводится как «бедный», однако в словаре В. И. Даля открываемый им синонимический ряд содержит весьма характерную коннотацию: «увечный, калечный, неисцелимо немощный» [Даль 1996, т. IV: 458]. В русском языке *бедный* – это тот, кто попал в *беду* и старается справиться с ней, поэтому «бедность – не порок», а при нищете человек уже не надеется на свои силы и полагается только на помощь извне¹⁰. В том же словаре читаем: «Нищий – до крайности бедный, убогий, неимущий, скудный; побирающийся, живущий Христовым именем, питающийся подаванием, ходящий по миру, просящий милостыни» [там же]. Иными словами, обычный нищий – это больной или калека, не способный прокормить себя своим трудом, а Даниил молод, умен, образован и не жалуется на здоровье, однако при этом он ничего не делает для исправления сложившегося положения, а лишь пытается использовать его в своих целях.

Подобный тип личности станет предметом рассмотрения русской литературы XVII в. В «Повести о Шемякином суде» бедный брат нищенствует не из-за физического недостатка и не потому, что ему никто не помогает, а потому, что не хочет работать, предпочитая жить за чужой счет. Он калечит лошадь, становится причиной гибели ребенка и старика, обманывает судью и не только не несет за это ответственность, но еще и обогащается. Подобный тип ловкого, предприимчивого пройдохи показан в «Повести об Ерше Ершовиче» и в ряде других произведений, но вершиной его развития в древнерусской литературе стал образ Фрола Скобеева («Повесть о Фроле Скобееве»). Так же, как и Даниил, главный герой женился ради богатства, однако не только избежал наказания, но еще приобрел неправедным путем и богатство, и социальный статус.

Демократическая критика XIX в. и советское литературоведение называли эти произведения *социальной сатирой*, по идеологическим причинам полностью игнорируя гомилетический пафос древнерусской литературы и христианский мировоззренческий контекст эпохи ее создания. Между тем нетрудно заметить, что в центре каждого из этих произведений находятся не социальные проблемы и уж тем более не бунт против несправедливого социального устройства, а апостасирующее индивидуальное сознание. Христианские писатели внимательно исследуют мысли и чувства людей, противопоставивших нормам христианской жизни свои собственные правила, выявляют пороки и страсти, толкнувшие их на преступление Божьих и человеческих законов. Характерно, что в тех случаях, когда такие люди достигают своей цели, обогащаясь несправедливым путем, автор несколькими художественными чертами создает атмосферу абсурда, ирреальности, тем самым подчеркивая, что описываемое событие не является нормой христианской жизни¹¹. Всё это дает основание считать указанные памятники литературы произведениями *духовной сатиры*, а «Слово Даниила Заточника» – первым в их ряду.

Различные преступления богоустановленных законов подавали пример недолжного поведения, расшатывая религиозное сознание русских людей. Для борьбы с подобными явлениями древнерусские книжники создавали образы антиидеала, осуждая не конкретного человека, а совершенный им грех и его причины – подчиненность страстям славолубия, сластолюбия и сребролюбия. Так же поступил и настоящий автор «Слова» – создал образ маргинала, отщепенца, живущего по собственным, нехристианским, законам. Для этого он намеренно нарушил «логичность и последовательность <...> мысли» Даниила [Сokolova 1993: 243], посредством своих комментариев приведя его высказывания к абсурду. В результате, пишет Н. Н. Бедина, настоящий автор «создал картину анти-мира, создал анти-текст, который со всей его образной системой целиком принадлежит сфере анти-поведения» [Бедина 2019: 105]. Создание образа антиидеала – характерный прием гомилетической литературы, однако «Слово» отличается от подобных текстов тем, что в нем нет образа положительного героя, несущего добро и справедливость. Полагаем, это было связано с особой остротой духовного кризиса конца XII столетия – реальная жизнь уже не давала положительных примеров. Поэтому настоящий автор сосредоточил все свои усилия на том, чтобы показать не то, *как нужно жить*, а то, *как жить нельзя*, и создал близкий и понятный современникам образ антиидеала. Для этого

он использовал ресурсы народной смеховой культуры, а также решился на смелый литературный эксперимент – трансформировал широко распространенную в античной и средневековой литературе форму диалога таким образом, что его голос иногда полностью сливался с голосом Даниила, а иногда резко отделялся от него. Полагаем, в этом художественном приеме нашло свое выражение христианское мировоззрение настоящего автора, считавшего, что «единичного греха нет», что он сам столь же (хотя и по-другому) греховен, как Даниил. На это указывают внезапные переходы изложения от первого лица единственного числа к безличному множественному: «...так и мы, господине, желаем милости твоея...», «...ни нашим иманием твоего дому истощити...» (Слово...: 270, 274).

Таким образом, внутренняя идея «Слова Даниила Заточника» полностью соответствует гомилетической традиции русской литературы – настоящий автор старается словом остановить развитие негативного духовного явления в жизни русского народа. С этой целью он создает особого рода *дифонию*, сливая свой голос с голосом автора протографа, а также с помощью логических противоречий пародирует такие черты его личности, как гордость, тщеславие и прагматизм. В результате возникает образ антиидеала – человека, противопоставляющего свое персональное мировоззрение нормам христианской жизни. Средствами смеховой народной культуры настоящий автор снимает эсхатологическое напряжение, свойственное гомилетическим сочинениям, и делает образ Даниила смешным и нелепым, предлагая читателям посмеяться над ним. Этим и объясняется большая популярность «Слова Даниила Заточника» – первого памятника *духовной сатиры* в русской литературе.

Примечания

¹ См.: Сыромятников О. И. «Слово Даниила Заточника»: проблемы изучения и пути их решения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, № 3. С. 169–178.

² См., например: [Бедина 2019: 106].

³ В дальнейшем мы будем называть его *настоящим* автором.

⁴ Например: «Поучение Феодосия Печерского», «Поучение Владимира Мономаха», «Слова и поучения Серапиона Владимирского», «Наставление тверского епископа Семена» и др.

⁵ Одним из первых это мнение о личности *настоящего автора* выразил в 1880 г. Е. О. Модестов. Впоследствии ее разделяли В. И. Гуссов, Н. Н. Зарубин, Н. Н. Бедина, Х. Бирнбаум, Р. Романчук и некоторые другие исследователи.

⁶ Этот же духовный закон упоминается в зачале (своего рода «ключе» к идейному содержанию) «Сказания о Борисе и Глебе» и представляет собой цитату из Пс. 111:2: «Родъ правыхъ благословится, – рече пророкъ, – и сѣмя ихъ въ благословении будетъ» [Сказание о Борисе и Глебе: 328].

⁷ Художественное воплощение этого закона впоследствии будет сделано А. С. Пушкиным в «Борисе Годунове» и «Истории Пугачева». Еще через полвека герой А. К. Толстого скажет, обращаясь к царю: «Не скажут ли, что все невзгоды наши / (И, может быть, их много впереди) / Накликал ты на землю?» [Толстой 1980: 44].

⁸ Ср.: «Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы – тело Христово, а порознь – члены» (1 Кор. 12:26-27).

⁹ С. П. Обнорский считал его основой новгородское «Слово о злых женах» [Обнорский 1946: 129].

¹⁰ Достоевский говорит об этом в монологе Мармеладова: «...бедность не порок, это истина. <...> Но нищета, милостивый государь, нищета – порок-с...» [Достоевский, т. 6: 13].

¹¹ Так, Фрол Скобеев трое суток предавался любовным утехам в доме соблазненной им девушки, переодевшись в женское платье, и никто не опознал в нем мужчину.

Список источников

Слово Даниила Заточника / Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. С. 268–284.

Список литературы

Бедина Н. Н. Книжная пародия как факт средневековой культуры («Слово Даниила Заточника») // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9, № 1А. С. 99–109. doi 10.25799/AR.2019.44.1.011

Бирнбаум Х., Романчук Р. Кем был загадочный Даниил Заточник? (К вопросу о культуре чтения в Древней Руси) // Труды Отдела древнерусской литературы / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 50. С. 576–602.

Василий Великий (архиеп. Кесарийский). Беседа 8 / Творения: в 2 т. М.: Сибирская благовонница, 2008. Т. 1. С. 638–645.

Воронин Н. Н. Даниил Заточник // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. Исследования и материалы по древнерусской литературе. М.: Наука, 1967. С. 54–101.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Диамант, 1996. Т. 4. 688 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Кранк Э. О. «Слово Даниила Заточника» – первое лирическое произведение в русской литературе // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. 2022. № 17. С. 51–54.

Лихачев Д. С. «Моление» Даниила Заточника // Великое наследие. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1979. С. 241–258.

Миндалев П. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914. 346 с.

Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л.: АН СССР, 1946. 199 с.

Орлов А. С. Древняя русская литература XI–XVI вв. М.; Л., 1937. С. 161–162.

Пауткин А. А. Древнерусская книжность: историко-литературные альтернативы. Stephanos. 2014. № 6 (8). С. 55–60.

Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 62–316.

Послание митрополита Киприана игуменам Сергию и Феодору // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 6. С. 412–424.

Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 328–352.

Скрипиль М. О. «Слово» Даниила Заточника / Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 11. С. 72–95.

Слово о полку Игореве / Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. С. 254–268.

Соколова Л. В. К характеристике «Слова» Даниила Заточника (Реконструкция и интерпретация первоначального текста) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 46. С. 229–255.

Толстой А. К. Смерть Ивана Грозного // Толстой А. К. Собр. соч. в 4 т. М.: Правда, 1980. С. 5–145.

Шевырев С. История русской словесности. Т. I, ч. II. М., 1846. С. 210–213.

References

Bedina N. N. Knizhnaya parodiya kak fakt srednevekovoy kul'tury ('Slovo Daniila Zatochnika') [Book parody as a fact of the medieval culture ('The Word of Daniel the Exile')]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2019, vol. 9, issue 1A, pp. 99–109. doi 10.25799/AR.2019.44.1.011 (In Russ.)

Birnbaum H., Romanchuk R. Kем был zagadochnyy Daniil Zatochnik? (K voprosu o kul'ture chteniya v Drevney Rusi) [Who was the mysterious Daniil Zatochnik? (On the reading culture in Ancient Rus')]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*

[Works of the Department of Old Russian Literature (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the RAS]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1996, vol. 50, pp. 576-602. (In Russ.)

Vasilii Velikiy (Basil of Caesaria, archbishop). Beseda 8. Tvoreniya [Conversation 8. Works]: in 2 vols. Moscow, Sibirskaya blagovonnitsa Publ., 2008, vol. 1, pp. 638-645. (In Russ.)

Voronin N. N. Daniil Zatochnik [Daniel the Exile]. *Drevnerusskaya literatura i ee svyazi s Novym vremenem. Issledovaniya i materialy po drevnerusskoy literature* [Old Russian Literature and Its Connections with the New Time. Research and Materials on Old Russian Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 54-101. (In Russ.)

Dal V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]: in 4 vols. St. Petersburg, Diamant Publ., 1996, vol. 4. 688 p. (In Russ.)

Dostoevsky F. M. Polnoe sobranie sochineniy [Fyodor Dostoevsky. Complete Works]: in 30 vols. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.)

Krank E. O. 'Slovo Daniila Zatochnika' – pervoe liricheskoe proizvedenie v russkoy literature ['The Word of Daniel Zatochnik' as the first lyrical work in Russian literature]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Chuvash State Institute of Culture and Arts], 2022, issue 17, pp. 51-54. (In Russ.)

Likhachev D. S. 'Molenie' Daniila Zatochnika ['The Prayer' by Daniil Zatochnik]. *Velikoe nasledie* [Great Heritage]. 2nd exp. ed. Moscow, Sovremennik Publ., 1979, pp. 241-258. (In Russ.)

Mindalev P. *Molenie Daniila Zatochnika i svyazannye s nim pamyatniki* [The Prayer by Daniil Zatochnik and Related Monuments]. Kazan, 1914. 346 p. (In Russ.)

Obnorskiy S. P. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka starshego perioda* [Essays on the History of the Russian Literary Language of the Old Period]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1946. 199 p. (In Russ.)

Orlov A. S. *Drevnyaya russkaya literatura XI-XVI vv.* [Ancient Russian Literature of the 11th-16th Centuries]. Moscow, Leningrad, 1937, pp. 161-162. (In Russ.)

Pautkin A. A. Drevnerusskaya knizhnost': istoriko-literaturnye al'ternativy [Ancient Russian bookishness: historical-literary alternatives]. *Stephanos*, 2014, issue 6 (8), pp. 55-60. (In Russ.)

Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus']. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 1, pp. 62-316. (In Russ.)

Poslanie mitropolita Kipriana igumenam Sergiyu i Feodoru [Metropolitan Cyprian's Message to Abbots Sergius and Theodore]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus']. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 6, pp. 412-424. (In Russ.)

Skazaniye o Borise i Glebe [The Tale of Boris and Gleb]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus']. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 1, pp. 328-352. (In Russ.)

Skripil' M. O. 'Slovo' Daniila Zatochnika ['The Word' of Daniil Zatochnik]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the RAS)]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1955, vol. 11, pp. 72-95. (In Russ.)

Slovo o polku Igoreve [The Tale of Igor's Campaign]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus']. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 4, pp. 254-268. (In Russ.)

Sokolova L. V. K kharakteristike 'Slova' Daniila Zatochnika (Rekonstruktsiya i interpretatsiya pervonachal'nogo teksta) [On 'The Word' by Daniil Zatochnik (Reconstruction and interpretation of the original text)]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the RAS)]. Moscow, Dmitriy Bulanin Publ., 1993, vol. 46, pp. 229-255. (In Russ.)

Tolstoy A. K. Smert' Ivana Groznogo [The Death of Ivan the Terrible]. In: Tolstoy A. K. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works]: in 4 vols. Moscow, Pravda Publ., 1980, vol. 3, pp. 5-145. (In Russ.)

Shevyrev S. *Istoriya russkoy slovesnosti* [History of Russian Literature]. Moscow, 1846, vol. 1, pt. 2, pp. 210-213. (In Russ.)

'The Word of Daniil Zatochnik' as the First Work of Spiritual Satire in Russian Literature

Oleg I. Syromyatnikov

Professor in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia. pani-perm@list.ru

SPIN-code: 9651-1120

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4826-3857>

Submitted 07 Sep 2024

Revised 24 Nov 2024

Accepted 21 Feb 2025

For citation

Syromyatnikov O. I. "Slovo Daniila Zatochnika" – pervoe proizvedenie dukhovnoy satiry v russkoy literature ['The Word of Daniil Zatochnik' as the First Work of Spiritual Satire in Russian Literature]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 2, pp. 154–163. doi 10.17072/2073-6681-2025-2-154-163. EDN VICDOP (In Russ.)

Abstract. The article analyzes the form and content of *The Word of Daniil Zatochnik*, a monument of ancient Russian literature. Special attention is paid to a number of late inserts into the original text, which gave it the currently known appearance and created several striking contradictions. The article attempts to explain them by means of relying on the existing scientific experience of studies of *The Word* and through deep immersion in the religious and cultural context of its creation. The author of the article believes that the inserts were introduced with the aim of drawing the reader's attention to such personality traits of Daniil as selfishness, individualism, pride, vanity, and arrogance. Some of the inserts reveal details of Daniil's personal life, showing his tendency to violate generally accepted moral and religious norms. In their entirety, the inserts create a holistic image of a person who neglects the traditional spiritual and moral norms of Russian society of the 12th-13th centuries. This type of personality was atypical for that time and attracted the general public's attention, giving an example of inappropriate behavior. In the author's opinion, this prompted the representatives of official (princely or ecclesiastical) circles to make an attempt at compromising the image of Daniil in the eyes of the reading public. This is the reason why the inserts were made, turning Daniil's epistle into the first satirical work of Russian literature. Since the subject of the satire was not social or political but spiritual and moral phenomena, it should be considered a spiritual satire. It is known that works of this kind appeared in the literature of subsequent centuries, showing the type of a clever rascal who achieves his goals by any means. Therefore, the author of the article suggests that *The Word of Daniil Zatochnik* be considered the first work of this kind.

Key words: Russian literature of the 12th-13th centuries; 'The Word/Prayer of Daniil Zatochnik'; Holy Scripture; anti-ideal; apostasy; spiritual satire; homiletics.